

ТРАДИЦИИ В НАРОДНОЙ ГИГИЕНЕ И МЕДИЦИНЕ КОМИ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Е. Е. Ермакова, Н. А. Повод

Характеризуются традиции народной гигиены и медицины коми юга Тюменской области по данным полевых исследований 2003–2006 гг. на территории Ялуторовского и Ярковского районов. Анализируется система традиционных рациональных и магических действий, направленных на профилактику заболеваний и улучшение здоровья человека, его работоспособности и продолжительности жизни, обеспечение оптимальных условий существования. Выявлены основные способы лечения в народной медицине коми — вербальная, фито-, апитерапия, водные процедуры.

Современное коми население юга Тюменской области ведет происхождение от переселенцев из Архангельской и Вятской губернии, начало миграционных процессов которых относится к первой трети XIX в. В памяти старшего поколения современных коми сохранились сведения о территории первоначального проживания — села Межадор, Кибра (современное Куратово [Жеребцов, 2001. С. 245–246]), Усть-Кулом и др. Переезды коми был вызваны неблагоприятными условиями проживания в Коми крае — не хватало пашенных площадей, необходимо было корчевать лес, чтобы сделать новые пашни, на которых вырастал только ячмень, жили в основном за счет тяжелой работы на лесоповале. От знакомых доходили слухи, что в Сибири живут хорошо. Уехавшие ранее писали письма: *здесь хлеба много, места хватает, хлеб хороший родится* (Уляшева Ю. Ф.). Переезжали семьями, детей либо сразу брали с собой, либо на время оставляли у родственников и перевозили после обустройства на новом месте жительства. Для поселения выбирали место, как правило, там, где уже проживали семьи коми, т. е. ехали к месту обоснования родственников и знакомых. В конце XIX в. центрами компактного расселения коми были Ивановская (с. Ивановка, деревни Александровка, Большая Тихвина, Малая Тихвина), Плетневская (деревни Вяткина, Бельковка, Чумакова, Согра, Балаганы-Одина, Кургом) Заводуковская (дер. Каменка, Падун), Томиловская волости Ялуторовского уезда [Патканов, 1911. С. 114–115]. По данным переписи населения 1897 г., в Ялуторовском округе Тобольской губернии числилось 2504 коми-зырян, из них в г. Ялуторовске — 1 чел. [Первая всеобщая перепись..., 1905. С. XXXVII. С. 2–3]; по данным С. К. Патканова, разрабатывавшего материалы переписи, их насчитывалось 2510 [1911. С. 110–111]. Миграции коми продолжались до середины 1920-х гг. Жизнь переселенцев была достаточно сложной. К примеру, в 1936 г. была сильная засуха с последующим голодом. Кононова А. Г., родители которой переехали в 1920-х гг., вспоминает, что мать выговаривала отцу: *«Ты меня привез, говорил, что здесь калачики вешаются»*. Тяжелые условия жизни, бытовая антисанитария отражались на здоровье людей, в первую очередь детей, смертность которых была очень высока [Машарипова, Титов, 2005. С. 156]. Квалифицированную медицинскую помощь получить было трудно, поэтому приходилось соблюдать различные меры, нацеленные на профилактику заболеваний и улучшение здоровья человека, его работоспособности и продолжительности жизни, обеспечение оптимальных условий существования. Эти мероприятия были связаны как с рациональными, так и с магическими действиями, направленными на защиту от вредоносного влияния окружающей среды. В случае заболеваний приходилось обращаться к местным лекарям, которые практиковали лечение народными средствами для своих односельчан. Арсенал народной медицины включал также комплекс знаний и методов, которые можно было реализовать для самолечения, не прибегая к услугам знахарей.

Изучение традиций народной гигиены и медицины, их трансформации в настоящее время являлось одной из задач полевых этнографических исследований, которые проводились Институтом проблем освоения Севера СО РАН и ТюмГУ в 2003–2006 гг. на территории расселения коми в Ярковском и Ялуторовском районах Тюменской области (с. Староалександровка, с. Ивановка, д. Большое Тихвино, д. Малое Тихвино). В процессе работы проводились беседы с

¹ Работа выполнена при поддержке программы Президиума СО РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект 4.7 «Социокультурная адаптация этноареальных групп коми в Западной Сибири (XIX — начало XXI в.)»).

представителями коми населения, в первую очередь с людьми старшего возраста — 1920-х и ранее годов рождения, которые не только воспроизводили традиции народной медицины и гигиены, но и помнят рассказы, услышанные от своих матерей и бабушек, а также с людьми, практикующими лечение народными средствами. Среди последних есть не только коми, но и русские, татары и др. Часть интервью, сведения из которых приведены в этой статье, помещены во втором томе монографии Е. Е. Ермаковой «Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI в.)» [2005. С. 2].

Основой обеспечения оптимальных условий существования человека является комплекс мероприятий, направленных на повышение благополучия жизни. По представлениям коми, благополучная жизнь зависела от многих факторов, в том числе связанных с выбором места для строительства дома, временем переезда, выполнением ритуальных действий для получения особого покровительства мифических обитателей жилища и всей усадьбы.

Для строительства дома (*керка*) выбирали ровное место, иногда даже использовали специальный уровень. Плохой приметой считалось ставить дом на пепелище или на месте дома, в котором «казалось» (Уляшева Ю. Ф.). Жилые и хозяйственные постройки обычно делали из сосны. При возведении дома на стойки углов клали шерсть, щепотку соли, немного хлеба, деньги, также подклады помещали под матицу, для задабривания домового (*суседко*) угощение опускали и в подполье (Кононова А. Г., Уляшева Ю. Ф.). Уляшева Ю. Ф. рассказала, что при демонтаже старой русской печи из самодельных кирпичей, которую делал в начале XX в. ее дед Уляшев Николай Фомич, нашли маленький кирпичик, на котором был выдавлен крест, а с другой стороны — круглое в плане углубление с плоским дном. Этот кирпичик находился возле пода, где выпекали хлеб.

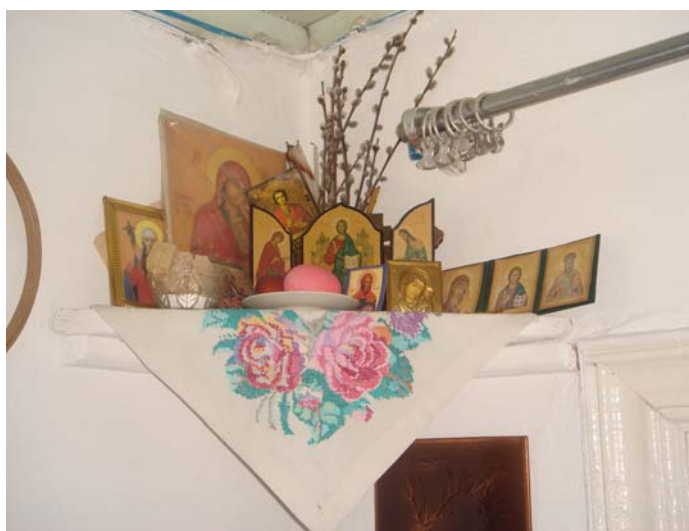

Рис. 1. Красный угол с домашним иконостасом, с. Староалександровка, 2006 г. Фото А. Уляшевой

Были определенные периоды, когда нельзя было переходить в новый дом, например с 14 октября до 8 ноября, со дня Покрова Пресвятой Богородицы (*Покров-субѳт*) до дня Собора Архистратига Михаила и прочих небесных сил бесплотных (*Митрий-субѳт*) (Кононова А. Г.). При заселении соблюдали определенный ритуал. Уляшева Ю. Ф. рассказывала, что при уходе из родительского в другой дом в одну руку взяла икону, в другую — булку хлеба. Мать ее при уходе благословила: *иди, и живи*. По другим сведениям, при переезде в новый дом нужно было заходить с хлебом или квашней, кошкой и корытом (*вор*), в котором стирают (в современной интерпретации — со стиральной машиной), причем корыто нужно было заносить в первую очередь (Кононова А. Г.). Шешукова М. М. рассказывала, что перед новосельем их семьи мать заранее утащила в новый дом и оставила на всю ночь *корыто, кошку и квашенку*.

В доме обязательно был передний угол, где ставили иконы. Это мог быть угол от входа слева, либо иконы ориентировали ликом на восток (рис. 1). В особые дни — Великий четверг перед Пасхой, на Новый год перед иконами оставляли хлеб, соль, которые ели сами и давали скотине для профилактики заболеваний (Подласова Е. К., Уляшева Ю.).

Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области

В основном дома были пятистенки, с комнатой (*горничка*) и кухней (*пачаводжь*). В доме поддерживали чистоту женщины. Капитальную уборку обычно делали два раза в год, обязательно — в Чистый четверг перед Пасхой. Для этого бревенчатые неокрашенные стены, потолок, пол мыли (шоркали) с песком и мочалом до получения желтоватого оттенка. Мытье пола с песком отличало коми от русских, которые пол скоблили (Подкопаева Н. Ф.). Стены могли белить, для этого использовали местную белую или голубую глину, либо мел, либо осиновою золу, которую заливали кипятком (Уляшева А. П., Шешукова М. М.). По рассказам Никулиной А. Ф., первые поселенцы поначалу жили в землянках, где пол застилали соломой; уборку в жилище, замену старой соломы на свежую делали в субботу, *видимо, готовились к воскресенью*. Маленькие дети опраивались прямо на полу, фекалии загребали свежей соломой.

Для отопления и приготовления пищи использовалась русская печь (*пач*), ее обычно размещали в кухне слева от входа. Для приготовления пищи в летнее время некоторые зыряне во дворе ставили небольшую избушку с печью — *малушку*. Печи были глинобитные или из самодельных кирпичей, их белили либо белой глиной, которая предотвращала растрескивание, либо мелом. Для очищения трубы печь топили осиновыми дровами, которые сжигали сажу (Куткин П. Т.).

Запасы продуктов (овощи, соленья) хранили в подполье или в погребе на улице. Когда не было холодильников, в погреб весной опускали лед, и там все лето держалась прохлада. Летом в погреб уносили рыбу, подсолненное мясо, молочные продукты, квас, чтобы они дольше не портились. Сосуды с молоком в летнее время также могли хранить в ведре с водой в колодце. Квашеную капусту зимой держали в кадучках на улице. Суп, другую пищу оставляли в русской печи, и она целый день сохранялась горячей.

Спали в доме, для этого использовались деревянные кровати, полати, лежанки на печи и возле нее, могли спать и на полу. Летом, когда дома из-за печи было очень жарко, дети спали в сенках, на сеновале. Для сна стелили рогожи из камыша, которые обычно покупали у татар из соседних деревень, катаную шерсть (войлок — *зын*), самотканые холстяные или шерстяные одеяла, в морозы сверху укрывались еще и овечьими тулупами. Дневной сон не практиковался, так как от этого бывала болезнь *кыджен висем* — «как лихорадка», «мерзнешь» (Кононова А. Г.).

Умывались в доме под умывальником, для вытирания обычно делали разные холщовые полотенца — для рук и для лица. Младенцев обмывали, когда марались, также под умывальником. Опелости протирали тепленькой водичкой, присыпали самодельной присыпкой (Подкопаева Н. Ф.).

За зубами особого ухода не было, для очистки использовали жвачку из бересты или сосновой серы либо зубной порошок. Березовую жвачку делали из мелко порезанной бересты, которую томили с водой в закрытой корчаге на медленном огне, *выходил кусочек — с руку* (Подласова Е. К.). Обветренные руки (с цыпками), губы смазывали сливками, маслом домашним, потом вазелином (Подкопаева Н. Ф.). Если от работы в поле на руках появлялись трещины, то для затягивания их на ночь мазали солидолом (Уляшева А. П.).

Косметики никакой не было, ни гигиенической, ни тем более декоративной, только после войны стал появляться вазелин. Гнойные прыщи на лице могли смазывать солидолом. Если на лице появлялись веснушки (*рябина*), то умывались разведенной в воде *березовкой*, которая остается от дров, *она красная и как клей* (Кононова А. Г.). В качестве румян иногда использовали бадягу — пресноводную губку зеленого цвета, которую собирали возле реки, натирали ею щеки, после чего они горели (Там же). Попытки нанести макияж высмеивались деревенскими парнями и девочками (Уляшева А. П.).

Большое значение для личной гигиены имело мытье в банях (*пывсян*), которые были в каждом хозяйстве. Баня играла заметную роль в бытовой и ритуальной практике коми, в бане часто проходили роды, лечили различные болезни, обязательным было мытье невесты [Белицер, 1958; Кононова, Кандрина, 2003; Ильина, Шабаев, 1985; Ильина, 1989].

Первые коми поселенцы в Ялуторовском уезде для устройства бани копали яму, огораживали стены дощечками, делали земляную крышу, ставили печку и в этой яме мылись (Шешуков Н. С.). Впоследствии стали делать срубные бани размером 3×3 м, с односкатной крышей, иногда пристраивали дощатый предбанник для раздевания или делали просто навес. Бани находились на значительном расстоянии от жилого дома и хозяйственных построек — в огороде или даже за пределами усадьбы, так как отапливались по-черному глинобитной или кирпичной невысокой печью. Печь ставили слева от входа, с 1940-х гг. стали делать печи с дымоходом. В бане по-

черному для выхода дыма открывали двери. Для нагрева воды использовали чугушки, которые ставили на печь. В бане делали тесовый полук со ступенями, на котором парились и мылись, деревянный пол со щелями для стекания воды. Стены белили глиной или мелом либо осиновою или березовой золой, разведенной в воде.

Потребность в мытье зависела от сезона. Зимой баню топили в основном один раз в неделю — по субботам, в воскресенье мыться было нельзя. Также зимой старались экономить дрова, которых требовалось гораздо больше, чем летом. Летом баню топили чаще, во время покоса — почти каждый вечер. Для рожениц баню топили три дня.

Мыться ходили группами, обычно сначала мужчины, потом женщины и дети. Старались помыться до полуночи, так как бани были далеко от дома и одиночки опасались опасного воздействия *банника* — мифического существа, который обитает в бане и *ночью выходит* (Подласова Е. К.). Вечером мылись с керосиновой лампой. Рассказывали, что банник мог подменить младенца, если его оставляли одного в бане. Особенно опасным это было для детей с непрорезавшимися зубами и некрещеных. *Говорили, что у одних дочь подменили — голова была большая, головой вертит, а ходить не могла. До 20 лет жила, а потом сдали или умерла* (Там же). *Про нее говорили — подмененная. А врачи сказали — менингит. Голова у нее стала большая, на ногах не ходила, растили ее до 16 лет, потом родители умерли, ее в дом инвалидов забрали* (Подкопаева Н. Ф.).

Длинные волосы мыли 2–3 раза в месяц, не при каждом мытье в бане. Для мытья волос и всего тела использовали мочало и щелок (*кунва*), который получали, растворяя в кипятке березовую золу. Парились березовыми вениками, для получения пара плескали на печку водой. Младенцев первые 3 дня купали отдельно, а потом со всеми носили в баню.

Полотенца с собой не брали, высушали так: длинные волосы после мытья закатывали в шишку, а дома распускали и сушили. Женщины старались одеваться потеплее, чтобы не простыть. *А мужики были крепкие — босиком уходили и босиком приходили* (Подласова Е. К.).

Одежду оставляли в бане, при необходимости прожаривали возле печки. Если в бане оставалась вода, то ее использовали для стирки. Стирала в любое время, кроме церковных праздников. Помимо бани, стирали на речке песком мочальной вехоткой. Пеленки детей застирывали сразу же под умывальником. Для стирки вместо мыла использовали щелок (*кунва*) — водяной настой березовой золы, и *подмылье*, особый состав, полученный из очищенных и сквашенных кишок домашнего скота, — *если какую-то скотину кололи — кишки от нее морили, кишки прочищают и тушат в теплом месте*. Белое белье парили в щелочной воде корчагах на печке. Сушили белье на улице на веревках. Холщовое гладили катком и вальком, а ситцевое — угольным утюгом.

Профилактикой заболеваний была и индивидуальная защита от простуд, связанная прежде всего с сезонным соответствием одежды и дополнительным утеплением определенных частей тела. Женщины и мужчины обычно ходили в холщовой одежде. Нательной одеждой мужчин были штаны, длинные рубахи *дёрём*, их подпоясывали поясом *вёнъ*. В качестве зимней верхней одежды использовали шубы *пась*, прямые или приталенные со складками («борчатые»), в довершение обязательно надевали длинный тулуп, рукавицы — *кележь*.

Женщины на тело надевали нижнюю рубаху — *дёрём*, длиной до колен, поверх надевали нижнюю юбку (Уляшева Ю. Ф.) В качестве легкой плечевой одежды использовали кофты, поясной одежды — широкие юбки с оборкой (фанбарой). Кормящие женщины делали специальные повязки на грудь из несколько слоев ткани, чтобы не было мастита (Подкопаева Н. Ф.). Головным убором служил летом холщовый или хлопчатобумажный платок, который складывали на угол и подвязывали под горлом или сзади. Для работы подвязывали *бабайор* или покрывали голову платком, концы которого обматывали вокруг головы и подвязывали на лбу (Уляшева А. П.). Зимой старались утеплить голову, носили пуховые шали, домотканые платки из шерстяной пряжи (Подкопаева Н. Ф.). Женской верхней одеждой были приталенные шубы из овчины с широким подолом.

Многие до поздней осени ходили босиком, не боясь поранить ноги, — *раньше хлямя столько не было, стекла не было* (Подкопаева Н. Ф.). Пожилые носили носки, короткие и с голышкой, или чулки до колена либо выше, их шили из домашнего холста, вязали из холщовых ниток. Длинные чулки подвязывали холстяной ниткой *кэв*. Обувью служили башмаки из свиной кожи без голенища — *чарки*, сапоги (бродни) без каблуков с высоким голенищем — *брёдни*, в которые клали стельки из сухой травы. Зимой носили самокатанные валенки (*пимы*).

Особых средств для защиты от простуды мочеполовой системы не было. Более того, женщины не носили ни белья, ни штанов, только платья и юбки — *даже зимой по сено ездили без штанов* (Подкопаева Н. Ф.). Мужчины в холода могли надевать несколько холщовых штанов. В 1930–1940-х гг., когда многие уходили работать в лесхозы, на лесоповал, стали делать для женщин и мужчин штаны, стеганные овечьей шерстью (куделей) или ватой.

Для младенцев делали пеленки из тряпья, старого холста, старой одежды взрослых. На новорожденного ребенка после мытья в бане сразу надевали рубашку. В зыбку шили матрасики из тряпок, набивали их льняной куделью или сеном. Днем их выносили для проветривания и просушки. Потом стали стелить клеенки для защиты матрасика от намокания. Когда дети начинали ходить, мальчиков одевали в рубашку и штанишки ниже колен на поясе, незашитые спереди для гигиенических целей; девочек — в рубахи (*как бы ночнушки*), сначала короткие, а потом все длиннее. Дети ходили босиком или в *чарочках* — обуви без голенища из свиной и телячьей кожи (Шумайлова З. В.).

За ребенком обычно следила бабушка или старшие дети, либо могли нанимать няnek — детей из бедных семей или одиноких бабушек. Ребенка старались кормить грудью три раза в день в течение года — двух лет, считалось, что в период кормления женщина не беременеет. Подкармливали коровьим молоком из рожка с коровьим соском — *сюра тити* (Подкопаева Н. Ф.), мололи на жерновах пшеничную крупу. Кроме того, ребенку давали и «взрослую» пищу: *что сам ешь, то и толкаешь* (Фабрикова К. Г.). Частыми были кишечные расстройства, поносы, поэтому для детей делали горшки в виде стульчика с отверстием в сиденье (Подласова Е. К.).

Гигиенические мероприятия были направлены и на избавление от вредных насекомых, паразитов. Против мух использовались растительные средства. Так, в доме подвешивали к потолку спаржу лекарственную, *в виде елочки, которые в лесу растут, муха садилась на эту траву и дохла* (Подкопаева Н. Ф., Подласова Е. К.). В качестве отравы для мух мухоморы мелко крошили и разводили в тарелке с водой, либо мух выгоняли из дома через открытую дверь при завешенных окнах (Подласова Е. К.)

Если в доме было много тараканов, то самым действенным способом было вымораживание. Для этого в зимнее время семья на несколько дней уходила к соседям или родственникам, и печь не топили. Также тараканов ошпаривали кипятком (Подкопаева Н. Ф.). Вымораживание использовалось и для выведения клопов.

До 1950-х гг. был распространен педикулез. Для защиты от вшей мыли голову щелоком, вычесывали их гребешком, делали регулярные осмотры. Если вшей было много, то волосы обстригали. В послевоенные годы появилась серортутная мазь, от которой паразиты сразу пропадали. Для избавления от нательных вшей одежду пропаривали в бане. Была известна и чесотка — *лудомиле*, для ее лечения тело смазывали чистым или смешанным с салом дегтем либо вазелином, также делали *серогорючую* мазь (Кононова А. Г., Подкопаева Н. Ф., Подласова Е. К.).

С начала 1960-х гг. отмечается повышение материального благополучия, общее улучшение качества жизни населения СССР, в том числе сельского [История Коми..., 2004. С. 632]. У коми юга Тюменской области также происходят положительные изменения в условиях труда, быта, отдыха, постепенно утрачивается потребность в воспроизведении многих санитарно-гигиенических традиций, стирается их этническая специфика. В настоящее время в большей степени сохраняются обычаи, связанные с мытьем в бане: гигиенические, оздоровительные; нерегулярно, но воспроизводятся действия банной ритуально-магической практики.

В более значительном объеме сохраняется народный опыт лечения внутренних, наружных и психических заболеваний как у детей, так и у взрослых с помощью заговоров, массажа, водолечения, фитотерапии. Хотя специалисты, принимающие больных, есть не в каждом населенном пункте. В Большом Тихвино в настоящее время нет знахаря — человека, который практиковал бы лечение народными средствами для своих односельчан. Старожилы вспоминают, что здесь раньше лечили «бабушки» (диалектное слово, синонимичное «знахарке»; этой же лексемой обозначают врачевателей и в других районах юга Тюменской области): наговорами лечила Чугаева Авдотья Петровна (коми), но она давно умерла; другая бабушка, лечившая в основном от грыжи, Марья (русская), уехала к дочери на север (Хватова А. И.). Некоторое время местные жители возили своих детей лечиться в с. Чечкино (преимущественно с татарским населением), однако сейчас такой потребности нет, так как детей, особенно маленьких, стало меньше — *«ну, детей нет сейчас, шибко не лечатся»* (Шешукова Е. С.).

В д. Большое Тихвино сейчас проживает племянница знахарки Чугаевой Авдотьи Петровны — Шешукова Елизавета Степановна, которая помнит некоторые сведения о своей родственнице. Учителем Авдотьи Петровны была родная бабушка Елизаветы Степановны, по национальности русская: *«У нас баушка была русской. Мы же коми ниче не читаем. Мы ведь не настоящи коми, половина»* (Шешукова Е. С.). Передача лекарских знаний снохе практиковалась достаточно часто [Ермакова, 2005. Т. 2]. В свою очередь, «тетя Дуня» предлагала племяннице поучиться лекарским знаниям, но Елизавета Степановна отказалась. Информантка вспоминает об этом: *«Баушка раньше была, но я не помню, что она лечила, она передавала своей снохе. Я этой снохе ходила. Ну, она уж мне тетка будет, у дяди же она. Она даже у меня лечила внука от испуга. Как лечила? Воду направит, а я не знаю ведь, че шепчет. Она говорила: “Приходи, переписи”. А я думаю: “У меня здоровья нет, да всего ничего, буду, че, зачем мне надо заниматься”. Вот она это мне предлОжила. “Ты, тетка Дуня, у кого брала?” — “Я у свекровки, она нам баушка будет”». В свою очередь, как полагает Шешукова Е. С., Авдотья Петровна свои знания никому не передала (она умерла в 86 лет). Так традиция по лечению в деревне была прервана (возможно, Авдотья Петровна передала знания другим людям, не родственникам, в другом населенном пункте, как часто бывает, однако это только наше предположение) [Ермакова, 2005. Т. 1. С. 89–117]. У самой Шешуковой Е. С. в деревне лечила мать, и Елизавета Степановна владеет некоторыми «остаточными» познаниями в народной медицине. Например, она вспоминает, как ее мать лечила коров с помощью лучинки: на лучинку сыпала девять щепоток какой-то смеси (информантка не помнит, какой), потом «пропускала» через огонь и дула на коров — «и все, и она обходилась». Мать информантки также умела «трясти» от головной боли у детей: она брала ладонями голову в области висков и трясла, чтобы не было боли, еще можно трясти на полотенце, лежа, за ноги. Елизавета Степановна знает некоторые средства из фитотерапии: например, для лечения печени она применяла «настой» алоэ, спирта и меда, пила зверобой. Другая информантка из Большого Тихвино, Хватова Анна Ивановна, рассказала об интересном способе лечения желудка с помощью куринового зоба (зоотерапия): *«Это, куриный вот зоб-то, ну, вот это, его вытрясешь, его вымыть надо и вычистить. Шкурку, которую очистишь-то, очистишь-от ее, высушишь, и все. И вот она будет, как сухарь, ее чуть покрошишь маленько в порошок, как порошок. Выпьешь маленько, чуть-чуть, и все. В рот положишь, воду запьешь, и все».**

Село Ивановка по численности населения превосходит Большое Тихвино. Если в Тихвино проживают в основном люди пожилые, то в Ивановке есть средняя школа, там расположена сельская администрация, много жителей среднего возраста, детей. Таким образом, у людей гораздо больше потребностей в лечении, в том числе народными средствами. Как показывают наши данные, в Ивановке есть несколько человек, которые практикуют врачевание средствами народной медицины — как для себя и своих родственников, так и для односельчан. Среди них есть и коми-зыряне, и русские [Ермакова, 2005. Т. 2].

Среди жителей старшего поколения сохранились воспоминания о знахарках, которые лечили в Ивановке раньше и уже умерли: это Жилина Степанида Николаевна, Жилина Екатерина, Цыпанова Мария Ильинична, Цыпанова Агафья Семеновна, Ганова Акулина Константиновна. Все знахарки были по национальности коми. Старожилка села Татолина Ефросинья Александровна (1910 г. р.) вспоминает, что лечили также другие бабушки — Борисова (имя и отчество она не помнит) и бабушка Анна (коми, фамилию не помнит). Возможно, эта «бабушка Анна» — Гришина Анна Петровна, тетка со стороны матери информантки Смирновой Л. В., или Панюкова Анна Герасимовна (о ней вспоминает информантка Попова Н. С.). Моторина К. Ф. помнит свою бабушку Анисью, которая была в селе повитухой. Как видим, в Ивановке было много бабушек, лечивших средствами народной медицины.

Врачевательная практика в Ивановке со смертью одной знахарки не прерывалась, в селе обязательно был кто-то, кто сохранял знания и продолжал лечить. Ганова Акулина Константиновна (бабушка информантки Гановой З. Т.) умерла в 1945 г. Цыпанова Мария Ильинична (бабушка информантки Плехановой Л. Я.) умерла в 1968 г. (когда внучке было 10 лет, внучка 1958 г. р.). Жилина Степанида Николаевна (тетка информантки Мишариной Р. Д.) умерла примерно лет двадцать назад (середина 1980-х гг.).

Все перечисленные нами знахарки были местные уроженки, в основном коми-зырянки, умирали они также на своей родине. Так формировались постоянный состав жителей и определенная преемственность в передаче знаний, родовая память. Однако потомки не обладают

теми знаниями, которыми владели их предки. В результате нашего исследования вырисовывается картина передачи знаний о наиболее распространенных болезнях и способах их лечения.

В роду коми Плехановой Л. Я. лечила бабушка Цыпанова Мария Ильинична и мать Цыпанова Агафья Семеновна. Любовь Яковлевна вспоминает, что бабушка (бабушка умерла, когда информантке было десять лет) *«дома почти что не бывала, ее вот как врача везде возили, по всем деревням»*. Она лечила и коми, и татар, и русских (с. Ивановка находится в местах компактного проживания коми, татар и русских). Бабушка была очень верующая, соблюдала все посты. Лечила она как *«наговорами»*, *«молитвами»* (текстообозначения информантки), так и травами. Бабушка *«садила траву душичку»*, герани, от поноса применяла пижму, сушила лабазник, мяту, тысячелистник, зверобой, делала березовые веники: *«В теплой бане распаривала, растирала и выправляла даже, как говорится, кости там»* (была костоправом). Бабушка Любви Яковлевны также была повитухой, принимала роды. Лечила она грыжу, заговаривала от уроков и испуга, от кори. Бабушка передала дочери, матери Любви Яковлевны, *«совсем немного»* — *«мама знала от грыжи, от уроков, от испуга»*. В свою очередь, сама информантка признается: *«А я абсолютно ничего не знаю»*, хотя желание перенять знания у нее было. Она отмечает: *«Когда она [мама.— Е. Е.] старая стала, я говорю: “Мама, все равно не бесмертная, когда-то ты умрешь, может быть, что-то бы передала”. Она говорит: “Ой, теперь уж я ниче не помню”. Она все говорила: “Можно лечить, пока зубы есть”. У нее потом зубы-то повыпадавали»*. Из всех средств лечения, которыми владели ее бабушка и мама, Любовь Яковлевна знает обряд (акциональный) от уроков. Информантка рассказывает: *«Допустим, вечером, если ребенок плачет, там много народу было, или полюбовался кто-то ребенком, ну, вообще, изурочили ребенка, то она говорила... Налить теплой водички в кружку и этой кружкой обмыть четыре ножки стола, ну, просто так вот, это, полплескать, вот, теперь, значит, три ножки стола, три ручки от дверей, от входных обязательно в дом и еще две ручки какие-то, и вот перед печкой, есть вот у русской печки шесток, и вот над шестком вот это вот еще облить три раза. И вот этой водичкой обмыть ребенка, как вместе даже на голову немного полить и лицо, и не давать ни вытирать, ниче, пусть оно так вот само высохнет, и немножко еще дать этой водички ребенку попить. А оставшуюся можно вылить»*. Этот обряд совершается один раз, причем, как сообщает информантка, не имеет значения, в какое время суток он проводится (*«обычно ведь вечером гости приезжают или приходят, вот так вот, в конце дня, если ребенок плачет, не успокаивается, пользовалась, помогало»*).

В роду Смирновой Л. В. лечила тетка матери Гришина Анна Григорьевна — *«лечила наговорами грыжу, с пупа сорвут, вправляла пуп»*. Сама Лидия Васильевна сейчас лечит грыжу, но знания она унаследовала не по родственной линии, так как *«нас учили не верить ни во что это»*, хотя и водила своих детей к другим бабушкам лечить грыжу (лечили с помощью наговоренной воды, которую крестили ножом). В результате знахарка Гришина Анна Григорьевна свои знания никому не передала (кроме внучатой племянницы, у нее не было родственников). Заговор от грыжи информантка узнала от подруги свекрови в Ялуторовске, русской, записавшей эти слова со способом лечения. Лидия Васильевна говорит, что в этом обряде нужно прикусывать пупок, мошонку зубами и произносить слова: *«Котора мать уродила, та и прикусила. Аминь»*. Читать слова три раза и приходиться три раза на закате.

У старожилки села Татолиной Ефросиньи Александровны (1910 г. р.) в роду никто не лечил, сама она также не лечила (объясняет это тем, что у нее не было детей), однако, в силу своего возраста, помнит тех знахарок, которые врачевали в Ивановке, то, как они лечили. Она рассказывает, как от надсады правили живот: *«Правили руками, ставили на пуп баночку, зажигали лучину, и она тянет-тянет. Как банки-то ставят»*. Лечили бабушки и наговорами: бабушка Анна (коми, фамилию не помнит) *«водичку наговорит, побрызжет и выплескивает»*. Информантка отмечает, что лечили от испуга, от грыжи. Бабушки лечили травами — тысячелистником, брусничником. Траволечение было популярно не только среди знахарок, но и в официальной медицине. Ефросинья Александровна два года работала в местной больнице санитаркой, делала перевязки. В больнице лечили травами — *«варили травы»*, которые поставляло государство, делали из них порошки.

О популярности среди местного населения траволечения говорят также другие информанты. Моторина К. Ф. отмечает, что от болезней желудка, печени применяли зверобой. Клавдия Федоровна занимается пчеловодством, мед у нее покупают не только жители села, но и приезжие (рис. 2). Она также рассказала, что ее бабушка Анисья была повитухой: *«А она лечить-то»*

не знаю, могла, нет лечить, а тогда ведь роды-то было негде, она роды принимала в деревне. И даже узнавала, сколько ребенок проживет. А вот по каким-то чертам узнавала. Вот этот парнишка-то, который в два года-то умер... В баню пошли вместе с ней, и она и говорит: «Долго жить не будет, годика два проживет — умрет». А я рассердилась: «Ну, как это, годика два! Умереть — дак пусть лучше сразу умрет. Это два года муку-то намучисся, да потом умрет!» Дак так и получилось. Два года-то исполнилось, в тот день заболел: ой-ой-ой, воспаление, и на третий день уже похоронили. Она узнавала на ногах вот эти, рубчики. Она уже родит — узнает: живучий будет ребенок или нет». Знания о том, как принимали роды, Клавдия Федоровна не унаследовала.

Рис. 2. Медогонка у Моториной К. Ф., с. Ивановка, 2006 г. Фото Н. А. Повод

В роду Гановой Зои Тимофеевны лечила бабушка Ганова Акулина Константиновна (умерла в 1945 г.). Сама Зоя Тимофеевна знания не унаследовала. В детстве она заболела серьезной болезнью — полиомиелитом, после чего стала инвалидом. Она помнит, как ее маленькой лечили ивановские бабушки: «Вот я, например, когда-то с ногами-то заболела, дак меня тоже бабушки лечили. Лечили они нас травами, в бане, парились. Травы, значит, в горячей воде заваривают, потом на полочку ложат, этим закрывают, и все. А потом, значит, ванны, кадочка, в кадочку, значит, тоже заваривают эту траву, и, это, туда садят. Просто вот, всякие травы-то. Например, на лугу косят... Разные травы. Положат тебя туда, этой травой завернут, и ты лежишь. Конечно, очень тяжело в этой траве лежать, запах этот да в жару-то...

(?) А какие-то слова говорили?

(!) Я кого-то помню! Че мне было, восемь лет! Да я что, интересовалась что ли я! Конечно, говорили, как без молитвы, с молитвами. Без молитв да че так это? С молитвами.

(?) Это лечение вам помогло?

(!) Немножко-то помогло, я же сидеть-то не могла. Она [бабушка, которая лечила.— Е. Е.] потом маме сказала, что, сколько ни лечи этими травами, ничего не будет, она не поправится. Я потом и не стала».

Зоя Тимофеевна отмечает, что от простуды грели в банях, дома «в большой посудине грели ноги», делали ванны из трав. Наша информантка помнит, как бабушка лечила от желтухи: заваривала желтые травы и цветы и поила ими. На печень клали распоротую живую щуку и держали ее, пока не она протухнет («день или сколько») — «говорили, это вытаскивает болезнь».

Была прервана цепочка передачи знаний и в роду знахарки Панюковой Анны Герасимовны (коми), лечившей от испуга, рожки, мастита (она «наговаривала воду»). Как рассказала нам Попова Н. С., несмотря на то, что у Анны Герасимовны была дочь Феня, та ей знания не передала по этическим соображениям. По представлениям Анны Герасимовны, лечить нужно бесплатно, не за деньги, а ее дочь «немножко скуповатая, и все с выгодой. Бабушка Анна ей сказала: “Феня, я тебе не буду передавать. Ты будешь деньги брать”».

Наибольшим объемом знаний по народной медицине обладает и активно практикует лечение коми-зырянка Мишарина Раиса Дмитриевна: «Ну, как, только вот от грыжи, ребятишек в основном. Кто-то испугается — испуг... Ребятишек вот пупок грызет, мошонка грызет, печь-ячмень... <...> Ко мне детей много маленьких привозят, новорожденных, месячные, два, вот пупок грызет, заговариваю, как-то, видимо, помогает». Она переняла знания от тетки (сестры отца) Жилиной Степаниды Николаевны. Раиса Дмитриевна предполагает, что Степанида Николаевна переняла знания от своей матери, бабушки нашей информантки Жилиной Екатерины. Как вспоминает информантка, тетка сама предложила свои знания племяннице: «Она к нам шибко ходила все время, у нее родной дом тут был. Тетка дак она мне... “Вот, давай, учись, Рая, учись, сгодится, дети будут, детей надо будет, это, лечить, заговаривать”». Раиса Дмитриевна отмечает, что училась охотно, осознавая, для чего нужны эти знания. Она также является активным членом сельского общества. Например, немалая доля ее заслуги в том, что в Ивановке построили церковь: она собирала деньги у местных жителей, просила у районных властей финансовой поддержки. Несмотря на свой возраст, Раиса Дмитриевна хорошо выглядит, работает по хозяйству, вышивает, выставляя свои работы на различные конкурсы, принимает участие в художественной самодеятельности. К своему занятию врачеванием она относится осмысленно. Так, на вопрос «когда вы лечите, думаете, что помогает? Слова? Ваша сила?» она отвечает так: «Я думаю, это что-то кака-то энергия, видимо, все-таки во мне есть. И молитвы, наверно, слова. Я прикладываю душу». Раиса Дмитриевна ощущает границу, разделяющую обычного человека и того, кто может заниматься лечением. По ее мнению, «не у каждого есть эта энергия. Человек должен энергичным таким быть, энергичным человеком». Также, считает информантка, лечащий должен быть верующим человеком. Знахарь, в представлении Раисы Дмитриевны, не должен брать за лечение деньги. Сама она отмечает: «За лечении не беру ни копейки ни с кого. <...> Я говорю: “Здоровье пожелайте. И все. Больше ничего. Реденько вот конфеты приносят, коробку конфет, а деньги ни копейки никогда не беру”».

Раиса Дмитриевна владеет заговорами от грыжи, уроков, ячменя, бородавок. Она лечит в определенное время суток — «когда на небе месяц на убыль идет», а также ориентируется по солнечному календарю — лечит после обеда, когда «солнце идет на закат — и болезнь должна скатиться». Раиса Дмитриевна знает симптомы болезней, их этиологию, следует обязательному числовому коду знахарского ритуала (читает слова заговора 3, 9 раз, лечит 3 дня подряд). Применяет магические предметы, например сучок при лечении грыжи: «Пупок грызет или мошонка у мальчиков. Раньше и врачей-то не было, испокон веков лечились домашним лечением. Вот я просто пальчиком лечу, безымянным, навстречу солнцу, не по солнцу, а навстречу солнцу. Я черчу навстречу солнцу безымянным пальцем. И слова наговаривать надо, слова. И еще надо сучек. Раньше сучки-то в каждой стене были, в каждых дверях, а теперь-то и сучка-то не найдешь. Дак я уж теперь полено на колени положу, суковатое полено. Значит, вот это, пупок наговариваешь, а потом этот, сучек наговариваешь. Это надо повторить девять раз».

В то же время сама Раиса Дмитриевна видоизменяет ритуал лечения, что свидетельствует об осознанности в применении ею унаследованных знаний. Такие изменения она внесла в ритуал лечения от бородавок и шипиц. Она обвязывает вокруг бородавки ниточку, шепчет про себя наговор, затем кладет эту ниточку в определенное место: «Вот раньше были ворота, ворота были с пятками. Висячие ворота были. Вот под пятку сунешь — это чтобы исшоркалась. А теперь нету этих пяток-то, куда-то я в двери, в ворота в шарниры толкаю».

Рис. 3. Заготовка травы, с. Ивановка, 2006 г. Фото Е. Е. Ермаковой

Кроме лечения заговорами, Раиса Дмитриевна применяет фитотерапию — как для пациентов, так и для себя лично. Сведения о травах она унаследовала от тетки и матери и узнала из книг. Для лечения и профилактики болезней она применяет (собирает сама) подорожник, зверобой, тысячелистник, ромашку, от камней в желчном пузыре — толянку (конотоп), одуванчик (рис. 3). Вместо чая Раиса Дмитриевна, как и ее мать, использует травяной сбор: *«Да тоже собираю, потом в чай со всеми травами запариваю, в чай завариваю, сушу. Раньше у нас мама всю жизнь чай не покупала, она в основном травы, особенно малину, листья смородины, соберет и, это, еще напарит в печке. Чай такой заваривается ароматный с малиной и со смородиной, пахнет. А теперь-то я уж всякие травы еще туда добавляю, дак...»*. Кроме того, она варит ягодный компот: *«Компот в основном я варю — ягод-то много собираю. Это все которые сушу, которые морожу, вот это все завариваю опять же в кипятком, вскипячу... Малина, два сорта смородины, два сорта рябины, облепиха»*. Для профилактики язвы желудка она сама принимает настой, рецепт которого унаследован от бабушки: *«Я еще скажу про настой: я тоже пью каждый день настой. После того как операцию сделали — не надеялись, что — “год не протянет, умрет”. А я уже десять лет... У меня язва. У меня третья часть желудка удалена. Настой я делаю, значит... Тоже опять же ведь баушка научила. Тогда водки не было — самогонку, самогонку наливаешь, мухомору немножко. Вот я трехлитровую банку делаю, туда наливаю грамм сто мухомору (тоже настояно, мухомор залито было в самогонке), отливаю туда вот, в ту банку, мед, около пол-литры меда туда, алой мелко-мелко нарежу, а можно через мясорубку их крутить, скрутить, чтоб сок вышел, сок алая. Все, можно начать пить. Это от язвы желудка. Я все десять лет никакие таблетки не пью»*. Желудок Раиса Дмитриевна поддерживает маслом облепихи, которое готовит сама: *«Сок надо выжать из облепихи, очень полезный тоже, а кожура да ядрышки останутся — это просушить надо, просушить, промолоть и залить маслом нерафинированным. Залить, двадцать один день простоят, помешивать, через день ли как ли там.*

(?) А какие пропорции?

(!) А чтоб порошок залился. <...> Ну, немножко, с пальчик, сверху масло еще.

(?) А как вы применяете облепиховое масло?

Традиции в народной гигиене и медицине коми юга Тюменской области

(!) Каждый день я его, каждое утро пью чайную ложечку. Натощак, за полчаса до еды. У меня же была операция на желудок, вот я с тех пор, это уже десять лет тому назад, я это облепиховое масло все попиваю? и, слава Богу, тьфу-тьфу...».

В свою очередь, у детей Раисы Дмитриевны также есть желание лечить. Так, она отмечает, что «младшая дочь даже теперь она перенимает» (записывает под диктовку). Таким же способом тетка передала знания и Раисе Дмитриевне: «Она мне читала, я записывала». Правда, тетрадь, в которой были сделаны записи заговоров, утеряна, а информантка запомнила только те из них, которые востребованы чаще всего (от чирья, грыжи, уроков).

Результаты работы наших экспедиций в местах компактного проживания коми-зырян на юге Тюменской области носят промежуточный характер, так как пока не охвачены все населенные пункты (в Заводоуковском, Юргинском районах). Однако некоторые принципиальные моменты мы можем выделить уже на этом этапе нашего исследования народной медицины коми-зырян. Наряду с вербальной терапией (лечение с помощью текстов заговоров, молитв) очень популярна фитотерапия. Это может быть связано как с традициями коми-зырян, так и с особенностями местности. Большое количество и разнообразие трав, произрастающих в ней, способствуют тому, что многие жители (не только знахари) обследованных нами населенных пунктов применяют для лечения и профилактики различные растения. Кроме того, многие держат пчел, употребляют продукты пчеловодства (апитерапия). Очень популярно было лечение в бане, использование ножных ванн с травами.

Исходя из воспоминаний информантов и современного состояния народной медицины, можно отметить, что число знахарей стало меньше. В Большом Тихвино не осталось ни одного целителя (было двое). В Ивановке активно лечат и располагают большим багажом знаний только двое — коми-зырянка Мишарина Р. Д. и русская Маслова А. Н., в то время как в прошлом можно насчитать до 9 (!) человек, которые лечили и/или принимали роды. Это связано как неверием тех, кто должен был унаследовать знания, в народное врачевание, так и с развитием официальной медицины.

На глазах нескольких поколений происходил естественный отбор тех средств лечения, которые необходимы для поддержания здоровья. Видимо, остались те из них, которые востребованы местным населением. Это способы лечения нервных — испуга, уроков, сглаза (как правило, заговорами), желудочно-кишечных (в основном применяется фитотерапия), кожных (бородавки, чирей, ячмень) заболеваний, детской грыжи. Забыты акушерские знания, умение править пуп, лечение кори, не зафиксированы способы лечения животных (народная ветеринария). Можно предположить, что, к сожалению, после Мишариной Р. Д. в Ивановке не останется ни одного знахаря, так как ее дочь, которой уже передаются некоторые знания, живет в Ялutorовске.

Информанты:

- Ганова Зоя Тимофеевна, коми, 1929 г. р., м. ж. и м. р. — с. Ивановка Ялutorовского р-на.
Кононова Анна Гавриловна, коми, 1921 г. р., м. р. — с. Куратово (Кибра) Сысольского р-на Коми автономной области, м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Кутькин Павел Тимофеевич, коми, 1928 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Мишарина Раиса Дмитриевна, коми, 1933 г. р., м. р. и м. ж. — с. Ивановка Ялutorовского р-на.
Моторина Клавдия Федоровна, коми, 1928 г. р., м. р. и м. ж. — с. Ивановка Ялutorовского района.
Плеханова Любовь Яковлевна, коми, 1958 г. р., м. ж. и м. р. — с. Ивановка Ялutorовского района.
Подкопаева Нина Федоровна, коми, 1936 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Подласова Елизавета Кузьмовна, коми, 1924 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Попова Надежда Семеновна, русская, приезжая, 1949 г. р., м. ж. — с. Ивановка Ялutorовского р-на.
Смирнова Лидия Васильевна, коми, 1945 г. р., м. р. и м. ж. — с. Ивановка Ялutorовского района.
Татолина Ефросинья Александровна, отец — коми, мать — русская, 1910 г. р., м. р. и м. ж. — с. Ивановка Ялutorовского района.
Уляшева Анастасия Петровна, коми, 1928 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Уляшева Юлия Федоровна, коми, 1926 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Фабрикова Клавдия Герасимовна, коми, 1927 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.
Хватова Анна Ивановна, русская, 1927 г. р., м. р. — г. Первомайск Нижегородской обл., м. ж. (с 1963 г.) — д. Большое Тихвино Ялutorовского района.
Шешукова Елизавета Степановна, коми, 1928 г. р., м. р. и м. ж. — д. Большое Тихвино Ялutorовского р-на.
Шешуков Николай Степанович, коми, 1934 г. р., м. р. и м. ж. — д. Большое Тихвино Ялutorовского р-на.
Шешукова Мария Михайловна, коми, 1935 г. р., м. р. и м. ж. — д. Большое Тихвино Ялutorовского р-на.
Шумайлова Зоя Васильевна, коми, 1926 г. р., м. р. и м. ж. — с. Староалександровка Яркового р-на.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народа коми / XIX — начало XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 395 с.
- Ермакова Е. Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI вв.): В 2 т. Тюмень: Издатель Пашкин, 2005. Т. 1. 204 с.; Т. 2. 380 с.
- Жеребцов Л. Н. Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. М.: Наука, 2001. 580 с.
- Ильина И. В. Баня в народной медицине коми // Материалы VI международного конгресса финно-угров. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 335–336.
- Ильина И. В., Шабеев Ю. П. Баня в традиционном быту коми // Вопр. этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 109–119.
- История Коми с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 2. 704 с.
- Машарипова А. Х., Тутов А. С. Демография коми-зырян Ялуторовского уезда Тобольской губернии (конец XIX — начало XX в. // Словцовские чтения-2000: Материалы XVII Всероссийской науч. практ. краеведческой конф. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2005. 244 с.
- Никонова Л. И., Кандрина И. А. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья: Историко-этнографическое исследование. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 288 с.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911. 432 с.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 78: Тобольская губерния. СПб.: Изд. центрального статистического Комитета М-ва внутренних дел, 1905. 247 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article is devoted to describing traditions of popular hygiene and medicine with the Komi people from the south of Tyumen Oblast. Basic sources comprised data of field investigations in 2003–2006 on the territory of Yalutorovsk and Yarkovo Districts. The paper analyses a system of traditional and magic actions directed at preventing diseases and improving human health, man's fitness for work, and his longevity, as well as providing best conditions of life existence. The article reveals basic methods of treatment in the Komi popular medicine including verbal therapy, phytotherapy, apitherapy, and water therapy.